

Анжела Шпольберг

Размышления о «великом и могучем»

«Живой, как жизнь»

Через несколько дней после приезда моей семьи в Бостон друзья показывали нам окрестности. Мы решили выйти из машины и прогуляться. «Залокай дверь!» – напомнила моя приятельница мужу-водителю. Я не поняла, что она имела в виду, и переспросила. Она пояснила: «Залокай. Закрой, значит. Ты не удивляйся. Еще не такое услышишь. Это как-то срывается с языка...».

Она была права. Вскоре я услышала...

«Обычно это берет полгода...»; «ты взял душ?...»; знаменитые: «Вайфуля, залокай форточку, а то наши чилдренята схватят сикнес...» и «Мне полпаунда вон той колбаски. Только не писиком, а слайсиками. И потоньше наслайсайте». Мне рассказали, что в Нью-Йорке практически невозможно «аффордать апартаменты», потому что за них «безумно много чарджают»; растолковали, какую надо искать работу, чтобы «саппортать семью»; подсказали, где «шопинговать» в Бостоне, как «окешить» чек, и уточнили, что если «шопаться на «Визу», то можно получить скидку.

Я узнала также, что можно «шерать бизнес», «миксать слова», «спонсорать мероприятие», «консумать вещи», «дринчать», «бембисытит», «юзать купоны», «присмотреть кондочку», «пользоваться макровейкой», «апплаиваться в колледж», «притэйпать линейку к экрану», «засэйвать текст на дискету», «проранать» программу – и при этом она может «ранаться или не ранаться». Можно «поланчевать», «позвонить овнеру», «килануть кого-то», быть «лаковым» (от англ. luck – удача), воспитывать «бэбика» и даже «стать хомотэнтон». Можно есть «фэтное и нефэтное».

Можно быть действительно «забизенным», а можно только делать вид. И, наконец, жизненно важно знать, где находятся «вумэнская» и «мэнская» (я думаю, вы догадались сами...).

«Доведись профессору Хиггинсу побывать в любом американском городе, где есть маломальское скопление русских людей (а мы, кажется, уже есть везде), и послушать, на каких «диалектах» мы между собой разговариваем, герой Б. Шоу на второй день сошел бы с ума. Наши перлы – «новоязы» или «американизмы» с русскими суффиксами и окончаниями – непереводимы ни на один из языков мира, включая английский и русский, хотя для нас самих просты, понятны и доходчивы.

Только совсем уж тупой или вчера пересекший границу не поймет, что значит «аффордать», «юзать», «слайсать», «клаймать», позвонить в «джуйку» или идти на «пари». Руководитель тургруппы объявляет: «В нашем трипе эвридэй будут фри брекфасты, два ланча и один дынер (именно так, через «ы»). Пожалуйста, не забывайте оставлять типсы. Давать в руки не принято, лучше мани оставляйте на тэйблах». А как произносятся по-русски «заем», «аренда», «адвокат», «мусор», «встреча» или «напиток», не помнят даже те, кто и знает-то на английском два десятка слов. Лон, лиз, лоер, гарбидж, митинг и дринк стали как-то родней и ближе», – эти откровения я вычитала в газете «Мы и Америка» в статье В. Родионова «Английский с русским акцентом».

Когда состояние первичного столбняка прошло, я начала прислушиваться к этой речи. При всем ее почти непристойном звучании под ней струилась жизнь. Мне было интересно, как образуются эти слова и обороты, почему они массово срываются с языка и органично вписываются в поток русской речи, порождение ли они нынешней «невежественной», «колбасной», как презрительно называют ее иногда, эмиграции.

Итак, что же я обнаружила...

Находки

Должна признаться, что непосредственной жесткой связи между употреблением «новоязов» в речи и образовательным

уровнем говорящего я не заметила. В большей или меньшей степени эти перлы присутствовали в речи практически всех моих знакомых – и мало-, и высокообразованных. Насыщенность же речи американизмами была связана не с формальным образованием, а с индивидуальным стилем мышления и говорения человека, с культурой речи говорящего (которой, к сожалению, можно не обладать, имея всевозможные профессиональные дипломы, награды и ученые степени).

Велико было мое удивление, когда внезапно выяснилось, что «новоязы» совсем не новы по происхождению. «Так и жизнь прошла, як один дэй... Тут у меня есть менеджер... Мы с ним вместе продаем поп-корн... На динер не хватает. Голодную. Одежда, сами видите, какая. Не в чем на стрит выйти». Звучит знакомо? Как вы думаете, когда это было сказано? Не угадаете! Этот монолог старого украинца, уехавшего с Волыни в США, приводится в книге И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка», изданной в 1936 году.

А теперь взгляните на этот монолог:

«Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрогс ликет,

а мне уж
и пинту
принес бутлегер.
Приходите ровно
в севен оклок, –
поговорим
про новости в городе
и проведем
по-московски вечерок, –
одни свои:
жена да бордер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе –
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду
в офисе».

В.В. Маяковского не узнать трудно. Фрагмент, который вы только что прочитали, был взят из стихотворения «Американские русские», опубликованного в цикле «Стихи об Америке» в 1925 году. Поэт не придумал этот монолог. Он просто записал то, что услышал на улицах Нью-Йорка. В книге очерков «Мое открытие Америки» (1926 год) Маяковский почти дословно прокомментировал стихотворение «Американские русские»:

«Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупословного американца, чем сыплющего словами русского.

Русский называет:
трамвай – стриткарой,
угол – корнером,
квартал – блоком,
квартиранта – бордером,
билет – тикетом,

а выражается так: «Вы поедете без меняния пересадок». Это значит, что у вас беспересадочный билет».

Что же касается географического распространения «новоязызов», то – увы! – и тут мы с вами не можем предъявить никаких эксклюзивных прав. Везде, где есть эмиграция, есть «новоязы». Посмотрите, какой колоритный монолог из разговора, услышанного в израильском автобусе, приводит Дина Рубина в эссе «Я не любовник макарон»:

«Я говорю «менаэлю» (начальнику): пока я не подпишу «хозе» (договор) со всеми «тнаим» (условиями) – я работать не стану. Я без «пицуим» (денежной компенсации при увольнении), без оплаченных «несиет» (поездок на работу), без «битуах леуми» (национального страхования) и без «купот-гимел» (пенсионных касс) не буду работать!»

Когда я написала, что везде, где есть эмиграция, есть «новоязы», я имела в виду эмиграцию в широком смысле слова, а не только процессы, происходящие с русскоязычным населением. Богатый речевой материал собран и изучается сегодня испаноязычными лингвистами, назвавшими аналогичную языковую смесь, на которой говорит большинство испаноязычных эмигрантов в США, «спенглишем», Spanglish (от английских слов Spanish, испанский язык, и English, английский язык). Уже даже выпущен первый словарь «спенглиша», The Official Spanglish Dictionary, включающий 300 слов и фраз, которые не принадлежат ни к чистому английскому, ни к чистому испанскому языкам. В английском языке появился и термин для этого языкового явления – «code switching», «смена кода».

Подобные обороты русской речи, в большом количестве впитавшей в себя иноязычные элементы, естественно, попадали и в сферу интересов российских лингвистов. Эти примеры можно найти в монографиях и даже в учебниках русского языка, в разделах, посвященных употреблению заимствованной лексики, экзотизмов и варваризмов. Однако, к сожалению, в российской языковедческой литературе анализировалась не языковая природа этих примеров. Как правило, они рассматривались под социально-политическим углом зрения и подавались как средство речевой характеристики «для осуждения каких-либо людей,

явлений». В одном уважаемом учебнике диалог старого украинца из «Одноэтажной Америки» был прокомментирован так: «Потеряв родину, он незаметно для себя потерял и родной язык».

И все же давайте отвлечемся от политики и посмотрим только на языковой фактор...

Как мы осваиваем неродной язык

С трудом верится, что даже после долгих лет жизни в эмиграции человек забыл такие слова, как *день*, *обед* и *улица*, на родном языке, и вместе с тем, бегло говорит на нем. Скорее, диалог старого украинца иллюстрирует не процесс забывания родного языка, а нечто иное – процесс вхождения человека в новую языковую среду, процесс освоения нового, неродного языка. Слова *день*, *обед* и *улица* на родном языке не были забыты. Они были замещены освоенной лексикой английского языка и перешли в пассивный запас.

В языкознании традиционно различают два типа освоения неродного языка. Социолингвистика называет их смешанным и чистым двуязычием. Психолингвистика определяет их как создание комбинированных и соотнесенных лингвистических систем.

Первый тип более распространен. Он заключается в том, что одному и тому же значению соответствуют два разных лингвистических знака – первого и второго языка. Причем сами значения определяются в момент освоения первого языка. Второй тип предполагает создание двух параллельных, независимых рядов знаков, соответствующих двум параллельным, отличным друг от друга рядам значений. Так, погружаясь в языковую среду и воспринимая ее как она есть, осваивают новый язык дети.

Предполагается, что любой человек, оказавшись в новой языковой среде, осваивает неродной язык по типу чистого двуязычия. И тут применительно к явлению эмиграции возникает парадоксальный вопрос: физически находясь в стране изучаемого языка и будучи жизненно заинтересованными в его освоении, находятся ли, например, русские эмигранты в США по-настоящему в англоязычной языковой среде?

Ответ на этот вопрос зависит от различных социальных факторов: от того, где и с кем живет человек, где и кем работает, где учился, на каком языке говорит дома, с кем общается, посещает ли культурные мероприятия, и если да, то какие, и т. д. «Нью-Йорк. На Брайтон-Бич открылась спецшкола с преподаванием ряда предметов на английском языке». Безусловно, в этой шутке ситуация утрируется, но доля правды в ней есть.

В городах, где оседает большое количество эмигрантов, они активно общаются между собой, естественно, на родном языке. Дома (если не добавились американские члены семьи) говорят на нем же. Многие эмигранты, приехавшие в США в зрелом возрасте и освоившие английский язык, но не имеющие достаточной практики общения на нем, все равно мысленно переводят с одного языка на другой, сравнивая реалии «той» и «этой» жизни. И, как это ни странно звучит, сознание и предыдущий опыт мешают овладеть новым языком.

Получается, что людям, находящимся физически в стране изучаемого языка, не хватает языковой практики, и результат этого – не чистое, а смешанное двуязычие (часто в варианте смешения «французского с нижегородским»). Моя знакомая, преподаватель английского языка, американка в третьем поколении, чьи бабушка и дедушка приехали в Америку в начале века из Белоруссии, как-то рассказала, что ее бабушка говорила на трех языках – идиш, русском и английском – одновременно. Например, она могла сказать внучке: «Барбеле, штыл авэк дым чайник он зе тейбл» («Барбара, поставь чайник на стол»).

Такое смешение языков заразительно. В тех же очерках об Америке Маяковского читаем: «Сегодня, 10 сентября, нью-йоркский юнион моряков порта объявил забастовку...» или «В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике «чарлстон». Но жизнь не прекращается, – так же открыты всех родов магазины, так же носят собвей и элевейтеры, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов».

Надеюсь, никто не сомневается в том, что Маяковский не забыл русские слова *профсоюз* (trade union), *газированная вода* (soda), мо-

роженое (ice-cream), *метро* (subway) и *лифт* (elevator). Но в тексте очерков вместо них он использовал американизмы. Возможно, когда он писал об увиденном в Америке, эти слова «просто сорвались с языка...» и остались в тексте, придавая ему «вкус и запах» американской жизни. Так «новоязы» становятся литературным приемом.

Как мы портим родной язык

В разговорной речи смешение языков не таит за собой ничего. Люди не планируют испортить русский язык или продемонстрировать свое знание английского языка. Они просто так говорят, это срывается с языка. Почему?

Быстрее всего запоминается необходимая общеупотребительная лексика и профессиональная терминология – парадигмы слов. Иногда русские и английские слова соответствуют друг другу, иногда – нет, в силу того, что за ними стоят отличные друг от друга жизненные реалии. Говорящий строит поток речи на родном языке и автоматически вставляет в него освоенные слова из новых парадигм. Если у английского слова нет четкого русского соответствия, его присутствие в русской речи оправдано и обосновано спецификой того, о чем говорят. Однако значительно чаще в речи встречаются английские слова, имеющие полноценные русские эквиваленты, что было прекрасно проиллюстрировано в монологе старого украинца и записях Маяковского.

Далее процесс закрепляется в письменной речи. Посмотрите на «русскоязычные» американские рекламные объявления, в которых английские слова органично вписываются в русский текст. Например: «Назначайте appointment сегодня...», «Принимаем credit cards...», «Мосты. Root Canals. Хирургия ротовой полости...», «Первая группа в Real Estate...», «Требуются electrologist, маникюрша и massage therapist...», «...работа full/part time».

Язык пытается освоить любые инородные элементы. Освоение заимствований – процесс давно и широко известный. Доминирующий язык – тот, на котором говорят, – подчиняет все элементы речевого потока законам данного языка. Так начинают склоняться по русским моделям английские существительные

и спрягаться английские глаголы: «...предлагаем полный пакет бенефитов и гибкое расписание...», «... перед покупкой дома, кондо или таунхауса узнайте о его состоянии...» и т. д. Заметьте, что освоенные заимствования уже пишутся русскими буквами, в отличие от экзотизмов и варваризмов, которые часто сохраняют оригинальное написание.

Затем к хорошо освоенным иноязычным корням начинают добавляться русские словообразовательные форманты: приставки, суффиксы, постфиксы... И мы начинаем апплаиваться, дринчать, притэйпывать и шераться.

Особая статья – дети. Они быстро переходят из одной культуры в другую. По мере освоения английского у них притупляется чувство русского языка. У тех, кто хочет сохранить русский и говорит дома или читает по-русски хотя бы немного, но систематически, основы языка сохраняются. Это ведь навык.

Часто дети понимают, говорят, читают и пишут по-русски, но все равно спотыкаются на словоформах и словоупотреблении: «Я так люблю шить... Я бы шила и шила, но у меня нету шейной машинки» (вместо швейной); «Это лиричная песня...» (вместо лирическая); «Он физикально слабый...» (вместо физически); «...землическая орбита...» (а не земная); «Мой брат любит шалунить» (вместо шалить); «Бабушка, дай мне два котлета...»; «любые кнопки не работают...» (калька с английского, не допускающего русского двойное отрицание «Никакие кнопки не работают»); «я видела это на телевизоре» в смысле «по телевизору» и была «на команде» в смысле «в команде» (тоже кальки с английского); «У них сегодня большая селебрация» в смысле «празднование»; «...мне надо отеплиться...» в смысле «согреться».

Как-то маленькая дочка друзей сидела в гостиной и читала вслух громко. Папа хотел смотреть телевизор и попросил: «Женя, читай про себя». Удивленная Женя ответила: «А про меня тут ничего нет...».

Практически постоянно и дети, и взрослые, живущие в англоязычной среде, ошибаются в употреблении двух русских синтаксических конструкций:

– инфинитивной («...забудьте сравнивать цены...»), очень похожей по структуре на одесское «Я видел вас гулять по Дерибасовской»;

– с частицей ли (например, вместо «Я спрошу, знает ли она это...») непременно скажут: «Я спрошу, если она это знает...»).

Это тоже кальки, очень распространенные, с конструкцией английского языка (в случае «одесской» конструкции – это, скорее всего, калька с идиш, который по происхождению был диалектом немецкого языка и, следовательно, относился к группе германских языков, так же, как и английский язык).

Так говорят не только американские русскоязычные дети. Вот чем поделилась в том же эссе Дина Рубина:

«Со мной – только по-русски!» – кричу я в ответ на ту или иную обращенную ко мне фразу на иврите. И они пытаются, бедные. «Хочешь макарон?» – спрашиваю я дочь, и она отвечает смиренно: – «Нет, спасибо. Я – не любовник макарон». Или, когда мне звонят и, попадая на дочь (голоса похожи), спрашивают: «Это Дина?», она отвечает терпеливо: – «Нет, это ребенок от Дины. Она не находится».

Иногда родители-эмигранты впадают в отчаяние от такой русской речи детей, иногда великодушно посмеиваются. Но могут ли родители так же легко и свободно говорить на английском, иврите, немецком, испанском, как дети?

Да, родители и дети находятся в разных языковых пространствах (дети уже «тут», а родители еще «там»), и это горькая правда эмиграции. Каждое поколение движется по своему жизненному пути. Но языковые пространства виртуальны. В них нет непреодолимых физически преград или пропастей. Активно употребляя английский и совершенствуя его таким образом, родители все более и более комфортабельно ощущают себя в пространстве этого языка.

Точно так же, прилагая усилия, – деликатно, терпеливо и неназойливо, – продолжая просто говорить по-русски, рассказывать, показывать, слушать что-то интересное, родители могут помочь детям сохранить в сознании русское языковое пространство. Если потом ребенок захочет заняться языком всерьез или попадет в полностью русскоязычную среду, все быстро встанет на свои места.

Языковой навык – дело наживное, и при желании можно сохранить или развить навык говорения на любом языке. Я еще раз

убедилась в этом, когда мне довелось разговаривать с американцами, родившимися в США, семьи которых приехали в Америку с первой и второй волной русской эмиграции и хотели сохранить русскую языковую культуру у детей и внуков. Я была потрясена их красивым, грамотным, свободно льющимся русским языком.

«...ЧЕМ СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ...»

Конечно, «два котлета» удручают. Но их появление в речи ребенка, выросшего в Америке и говорящего, в основном, на английском языке, вполне объяснимо. Так же, как объяснимо и естественно распространение «новоязов» в речи большинства эмигрантов. Язык – он ведь, как сказал классик, «живой, как жизнь», и отражает все, что происходит с говорящими на нем.

Честно говоря, больше удручает ставшее нормой неуважение и невнимание к языку. Удручает повсеместно встречающийся – и в эмиграции, и в исконном русскоязычном пространстве – языковой непрофессионализм профессионалов, тех, кто преподает, пишет, вещает по-русски на плохом русском и тем самым закрепляет этот неграмотный русский в сознании обывателей. (Из недавнего диалога в редакции одного журнала, где меня попросили спасти статью: «...Нехорошо сказано. Так по-русски не говорят. Нужно исправить». – «Ой, да кроме тебя и, может, еще нескольких, этого никто и не заметит».)

Печалит тотальное опрощение общей культуры и языковой культуры как ее частного случая: оскудение словарного запаса, отсутствие элементарного чувства стиля, неправильное словоупотребление (совсем свежий и в духе времени пример из висящего на стене для всеобщего обозрения «Устава» частной русскоязычной школы: эта школа дает детям «практичные» навыки вместо «практических»), засилье речевых штампов и клише, неоправданных модных заимствований и сленга (несколько примеров из электронных русских газет: «Правительство Великобритании хочет запретить Google давать ссылки на сайты с пиратским контентом» – не с «содержанием» или «материалами»; «Легендарный певец и автор песен, получивший наибольшую из

вестность в мире в качестве фронтмена группы»... – не «солиста»; многие сегодня стали «креативными» и обсуждают развитие «креатива, креативности», забыв о хороших русских словах «творчество, творческий»).

Печалит, что бульварный язык стал приниматься за литературный, а уголовный жаргон оказался среди законодателей языковой моды. Куда уж о «высоких материях», когда тут и там пестрят элементарные орфографические ошибки...

Но вот что удивительно – и эти наши сетования не новы.

«С насыпи

язык

летит на полном спуске.

Скоро

только очень образованный

француз

будет

кое-что

соображать по-русски».

Эти строки Маяковский написал в... Да, все в том же 1925 году.

Хорошо ли, плохо ли, нравится нам или не нравится, языковые изменения отражают перемены в судьбе и менталитете народа и, в свою очередь, закрепляют их в сознании говорящих на языке. Наряду с болезненными и разрушительными процессами, однако, происходит и освоение новых смысловых пространств. Жизнь не стоит на месте. И успокаивает мысль: язык, он, хотя и «живой, как жизнь», и отражает все ее повороты, в то же время, как отметил другой классик, как жизнь, «великий и могучий». Хочется верить – выстоит! История показывает: народы появляются и исчезают – языки (при наличии письменности) видоизменяются, поступают «в архив», но остаются.

Бостон

